

УДК 94(470.67)

АКАДЕМИК С.Г. ГМЕЛИН О ДЕРБЕНТЕ И ГОРНЫХ ОБЩЕСТВАХ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Б. Г. Алиев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Статья посвящена историографическому анализу работы выдающегося ученого Российской Академии наук, известного в нашей стране и за рубежом, доктора медицины, профессора Самуила Готлиба Гмелина, изданной в 1781–1785 гг. под названием «Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе». В качестве начальника одного из отрядов экспедиции, организованной Русской Академией наук в 1768–1774 гг., С.Г. Гмелин в 1769 и 1774 гг. бывал в Дагестане.

The article is devoted to the historiographic analysis of the work of an outstanding scholar of the Russian Academy of Sciences, famous in our country and abroad, doctor of medicine, professor Samuel Gotlib Gmelin, was published in 1781–1785 and titled "Journey to Russia to explore all three kingdoms in nature." As the head of one of the expedition detachments organized by the Russian Academy of Sciences in 1768–1774, S.G. Gmelin was in Daghestan in 1769 and 1774.

Ключевые слова: С.Г. Гмелин, Дагестан, Дербент, Фатали-хан, горцы, крепостные стены, замок, виноградарство, садоводство, огородничество.

Keywords: S.G. Gmelin, Daghestan, Derbent, Fatali Khan, mountaineers, fortress walls, castle, viticulture, horticulture, gardening.

Среди ученых – иностранцев по происхождению, находящихся на русской службе, особое место занимает Самуил Готлиб Гмелин (1744–1774), один из выдающихся ученых Российской Академии наук, ученый-ботаник и путешественник, племянник академика Иоганна Гмелина. С.Г. Гмелин родился 4 июля 1744 г. в г. Тюбинге (Германия) в семье медика-аптекаря. С отличием окончил Тюбингенский университет, в возрасте 19 лет защитил диссертацию и был удостоен степени доктора медицины. Несколько лет путешествовал по Европе. В 1766 г. был приглашен в Петербургскую Академию наук. С 1767 г. он профессор ботаники. В 1769–1774 гг. по поручению Академии наук был начальником одного из отрядов Астраханской экспедиции. Он обследовал многие области России и Северный Кавказ. Два раза – в 1768 и 1774 гг. был в Дагестане и собрал огромный материал по естествознанию, экономике, географии, истории, этнографии, топографии, зоологии, химии, геологии, архитектуре, сельскому хозяйству, медицине и т.д.

Когда в 1774 г. С.Г. Гмелин сухим путем возвращался из экспедиции по Кавказскому побережью Каспийского моря, он был захвачен в плен кайтагским уцмием Амир-Гамзой. Он держал ученого в с. Ахмедкент в качестве заложника. Уцмий требовал вернуть ушедших от него 300 терекемейских семей и 80 семей еврейских. Пока шла тяжба и переговоры об освобождении, С.Г. Гмелин заболел малярией, 16 июля 1774 г. он умер в возрасте 30 лет.

В 1780–1784 гг. дневники путешествия С.Г. Гмелина были опубликованы Петербургской Академией наук на немецком языке в четырех томах (последний пятый том был подготовлен к печати его другом П.С. Палласом), а затем на русском языке под названием «Путешествие по России для исследования всех трех царств природы». Сведения о Дагестане содержатся в ч. III, Половина первая. СПб., 1785 г.

Свое описание Дагестана С.Г. Гмелин начал с Дербента, и в основном дербентской крепости. По пути следования к Дербенту корабль с экспедицией проплывал недалеко от острова Чечень, о котором С.Г. Гмелин писал, что он название «свое получил от живущих в горах чеченцев, кои пристают к оному для ловления рыбы» [1, с. 8]. Интерес для нас в данном сообщении С.Г. Гмелина представляют слова «живущих в горах чеченцев», что было отмечено и в ряде работ дагестанских ученых [2, с. 145]. Это важно отметить, так как эта фраза говорит о том, что в тот период (вторая половина XVIII в.) чеченцы проживали еще в горах, а не поблизости к острову Чечень, как об этом пишет чеченский исследователь А.А. Адилсултанов [3, с. 30]. Кстати, о проживании чеченцев в прошлом в горах писал и «природный чеченец» У. Лаудаев, отмечавший, что чеченское «племя» образовалось близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам, заняло горы бывшего Назранского округа и Чаберлой, впоследствии водворилось в Ичкерии и Аухе, а после ухода русских с плоскости Чечни за Терек заняло плоскость, закончив тем самым расселение свое [4, с. 3]. Главное в описании чеченского племени у У. Лаудаева – утверждение, что «Мичик – река в Большой Чечне по соседству с кумыками; река эта некогда составляла границу этих двух народов» [4, с. 4], и (с чем не могут согласиться чеченские ученые и политики) его утверждение, что «чеченцы жили прежде в горах и только в начале прошлого столетия (т.е. в начале XVIII в. – Б.А.) появились на плоскости» [4, с. 5].

Всю ночь экспедиция двигалась на юг, и на «разсвете, – как писал С.Г. Гмелин, – пред Дербентом, в разстоянии около мили от города на шестнадцати сажен бросили якорь», и «от Астрахани до сих мест морем считается шестьдесят восемь миль» [1, с. 8].

Интересно наблюдение С.Г. Гмелина, что каменистое дно моря покрыто «высокими ноздреватыми камнями... дербентской берег в разсуждении стойки судов делает столь трудным, что они только в нарочитом отдалении на якорь ложатся» [1, с. 9]. Действительно, корабли не могли близко подходить к берегу, и причиной тому были, как писал еще участник Каспийского похода Петра I 1722 г. Дж. Бел, имеющиеся здесь «множество каменя», которые затрудняли «привал судам», и что «пристань городская столь песчана, что самая малая суда с трудом могут в оную входить» [5, с. 177].

Любопытно описание С.Г. Гмелиным его приема владельцем Дербентско-Кубинского ханства Фатали-ханом, который угощал его дербентским вином. Он писал, что хан «живет в верхней части города или в крепости». С.Г. Гмелин подарил хану голландское сукно, сахар, конфеты и компас. Описав дом, где принимал его хан, он писал далее, что хан сидел «посреди покоя на земле» и курил кальян, а в передней «находилось множество стоящего народа с скинутыми туфлями» [1, с. 10], т.е. босиком. Обратил внимание С.Г. Гмелин и на присутствовавших во время его приема Фатали-ханом. Напротив хана «сидел комендант города и соседственной татарской князек», – писал он [1, с. 10]. Кто этот соседний татарский князь, трудно сказать. Но можно полагать, что это правитель Табасарана, который находился под влиянием дербентского владельца и раньше. Еще в 1728 г. И.-Г. Гербер писал, что «максум и кады подчинены бывали султану дербентскому, а ныне наипу и российскому коменданту в Дербенте» [6, с. 104]. Табасаран под влиянием Дербента нахо-

дился и при Фатали-хане. Последний в 1765 г. даже «возвел в звание максума Навруз-бека, сына убитого Муртуз-Али» [7, с. 160].

Следует обратить внимание на то, как отреагировал Фатали-хан при представлении рекомендательного письма от астраханского губернатора, которое было прочитано ему. С.Г. Гмелин писал, что хан «при напоминании высочайшего ея императорского величества имяни низко кланялся» и «обнадежил меня своею милостию и всевозможным в моих делах вспомогательством» [1, с. 11]. Это показатель того, что Фатали-хан был сторонником пророссийской ориентации, о чем свидетельствуют и многочисленные обращения его о принятии в российское подданство и посылка в Санкт-Петербург и Астрахань своих посланцев и доверенных лиц с различными поручениями, в особенности по торговым делам [8].

С.Г. Гмелин осмотрел дворец хана, крепость, цитадель, ознакомился с жизнью Фатали-хана, оказал ему медицинскую помощь. Он писал, что Дербент «старинный и примечания достойный город, ... построен Александром Великим» [1, с. 14]. Описав расположение города, С.Г. Гмелин отметил, что он имеет несколько частей, в верхней части живет хан «и различные армяне», что замок «стоит на высоком месте при подошве горы» и «очень трудно его брать приступом от городской стороны. От западу защищает его цепь или соединение высоких гор и так остается только приморская сторона, с которой опасности ожидать должно». Поэтому, отмечал он, «назван сей город Дербентом, что на персидском языке значит крепкой город» [1, с. 15].

О замке С.Г. Гмелин писал, что это «собственно большая цитадель», от близости которой на возвышенностях «есть еще и другие, а особливо к приморской стороне, меньшая, видом различная». В цитадель, писал далее он, «ходят чрез большия, железными листами крепко обитыя, ворота, против коих находится узкая, по горе построенная улица, ведущая к ханским покоям, а по левую руку примечается вход в ханской двор, которой весьма пространен, видом четвероуголен и обнесен крепкими каменными стенами» [1, с. 15].

Хорошо и подробно описал С.Г. Гмелин дербентские стены, которые начинаются от дербентского замка, составляющего как бы их середину. «То есть, – отмечал он, – от него начинаются городския стены... Одна идет по северной стороне города до самого моря и теперь служит с пользою против усмейцов, другая находится на южной, обе притыкаются к замку, и как (так как. – Б.А.) он лежит посредине, то они с ним вместе треугольник составляют... От крепости прямо на запад чрез горы и долины идет третья стена», которая, по утверждению дербентцев, тянется до Черного моря, что, по мнению С.Г. Гмелина, подтверждают «и находящиеся еще по сие время остатки» [1, с. 16–17]. Далее он писал, что эти «остатки отстоят от города на полторы мили и состоят из одной вышиною в тридцать футов толщиною с дербентскими городскими стенами схожей, но только еще крепче сделанной каменной стены, которая нарочито далеко идет внутрь земли провинции Табасаранской» [1, с. 17].

Очень интересно, что говорит далее С.Г. Гмелин об этой стене: «Сию стену ничему лучше уподобить нельзя, как линии от Каспийского моря до Черного проведенной, а сторожевые башни и крепости, думать надобно, служили средством вместе с Дербентом, как главным, где стоял гарнизон местом, для разведывания всего, что в горах происходило» [1, с. 18].

Важные сведения дает С.Г. Гмелин о населении города, расположении и занятиях жителей. «В Дербентской крепости, – писал он, – которая самую малую часть города составляет, в находящихся подле замка строениях, живут по большей части армяне... Они живут так же смешанно с другими народами и в нижней части города». Далее он отмечал, что «в другой части города живет наип, или персидской губернатор», который управляет в отсутствие хана «городом и прочими жителями, из персиян и татар состоящими». Он отмечал также, что здесь жили «несколько и индейцов», о которых он говорил, что трудно сказать, настоящие ли они «дербентские жители» [1, с. 18–19]. Конечно, речь здесь идет об индийцах-торговцах, о которых еще в 1728 г. писал И.-Г. Гербер: «...в Дербенте много купецких людей из персиянов, армян, грузинцев и индейцев» [6, с. 86]. С.Г. Гмелин писал о наличии в Дербенте смеси, происшедшей «из татарской и персидской крови» [1, с. 19], и это, конечно, имело место в условиях проживания здесь представителей не только дагестанских народов, но и народов Закавказья и Ближнего Востока. Всех же проживающих в Дербенте, по словам С.Г. Гмелина, было 4 тыс. семей, «между коими находятся сто армянских» [1, с. 19]. Остановившись на занятиях отмеченных народов Дербента, С.Г. Гмелин писал: «Они кормятся отчасти рукоделием (ремеслом. – Б.А.), отчасти хлебопашеством и скотоводством. Армяне хану не платят никаких податей, однако напротив того должны нести полицейские должности [1, с. 19].

Говоря о земледелии в Дербенте, С.Г. Гмелин писал, что «хлеба здесь сеют весьма мало, котораго и для самой необходимости недостаточно» [1, с. 19]. В другом месте он писал о «небольшом количестве хлеба, сеяном в Дербенте» [1, с. 20] или что «в земледелии очень мало упражняются» [1, с. 22].

Речь, конечно, идет собственно о жителях самого города, но никак не о жителях Дербентского владения, где были прекрасные условия для ведения земледельческого хозяйства. Еще Д. Бел писал, что «во здешней окрестности плодоносные поля» [5, с. 177]. А побывавший в Дагестане почти в то же время, что и С.Г. Гмелин, также немец по происхождению Я. Рейнеггс отмечал, что в «дербентском уезде» «земля весьма плодородна и исключая (кроме. – Б.А.) садов приносит довольно пшена, хлопчатой бумаги, хлеба и шафрану» [9, с. 284].

В связи с затронутым вопросом о занятиях дербентцев С.Г. Гмелин опять отметил «худой берег у Дербента» и «худое состояние гавани», из-за чего «никакие суда не пристаю́т или хотя и пристаю́т, только очень редко», причиной чего, по его словам «и торг дербентской нимало неважен». Но вместе с тем здесь же он писал: «Между прочим сказать не можно, чтоб там совсем никакой не было торговли» [1, с. 21]. В этом С.Г. Гмелин был совершенно прав. В Дербенте, конечно же, была развита торговля. Как писал Я. Рейнеггс, положение города «весьма способно для торговли и плодородие земли обещали ей всю возможную пользу» [9, с. 284]. Да и сам С.Г. Гмелин в подтверждение своих слов писал о развитой торговле Дербента с Азербайджаном и его роли как посредника в торговле между азербайджанцами и различными народами Дагестана. В частности, он писал: «Провинция Гилянская и город Шамаха снабдевают Дербент разными бумажными и шелковыми материями.... кои променивают Лезгинским и Горским Татарам на один род тонкого сукна, которое ими же самими в горах приуготовляется и называется кубеши шал». В свою очередь из Дербента «в Гилян и Шамаху много отсюда возится шафрану, котораго здесь са-

дят очень много и пуд онаго во время собирания по сту рублей продается; ето есть такая цена, за каковую Россия никогда не достанет из Европы шафрана» [1, с. 21].

Как показывают имеющиеся сведения, в Дербент поступали и всевозможные продукты и предметы ремесла со всех концов Дагестана, и в особенности из близлежащих владений и союзов сельских общин [10, с. 224]. Так, в Дербент 31 января 1735 г. из Калакорейша 50 человек привезли 50 вьюков бурок и сукна; 15 февраля того же года в Дербент 6 кубачинцев привезли «2 вьюка сукна на продажу» [11, с. 102]. А.И. Ахвердов писал, что в Дербент отвозили кубачинцы все вещи своею рукоделия (тонкое кубачинское сукно, женские украшения из золота и серебра, холдное оружие и т.д.) [12, с. 217]. А.А. Кремский писал, что в Дербент привозили марену, кубачинское сукно, бурки, мед, коровье масло, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли кубачинского производства [13, с. 234]. Из Акуша-Дарго в Дербент поступала сера [14, с. 143]. Из Южного Дагестана, по тем же сведениям, в Дербент поступали шерсть, сукна, ковры, попоны и т.д. [14, с. 139]. По свидетельству майора Д.И. Тихонова, в Дербенте жители Кайтага покупали привозимые из России и Персии парчу, сукна, медь, олово и железо, а также свинец и селитру как у самих дербентцев, так и у кубачинцев [15, с. 134]. Сами же кайтагцы в Дербенте продавали фрукты и различные изделия ремесла и домашнего производства. По сведениям П.Ф. Колоколова, табасаранцы в Дербенте сбывали паласы, ковры, баранов, масло, сыр и мед, покупая «соль и бумажные ткани» [16, с. 315]. Известно также, что из Шемахи в Дербент привозили хлопчатобумажные изделия, рис и другие товары, а из Баку – смолу, нефть, соль, шафран; из Кубы, Нухи и Гянджи и других торговых центров Азербайджана – пшеницу, ячмень, лесоматериалы, марену, сухофрукты и т.д. [13, с. 234; 17, с. 374].

Все приведенное – яркое свидетельство того, что Дербент являлся одним из крупных торговых центров на западном берегу Каспийского моря. И, конечно, С.Г. Гмелин был не прав, когда писал, что «Дербент в каспийской коммерции невеликое заслуживает внимание» [1, с. 21].

Интересны сведения С.Г. Гмелина о структуре Дербента. Он писал, что город разделяется «на осмнадцать слобод, кои, как сказывают, во время Надир-шаха особливыми именами назывались, но теперь ни одного из оных не знают, и называют те слободы просто верхнею, среднею, нижнею и так далее. Над каждой из оных поставлены старосты, кои на турецком языке каркхода называются» (т.е. кавха, кевха. – Б.А.) [1, с. 22].

Продолжая описание Дербента времени Надир-шаха, С.Г. Гмелин писал, что в то время губернатором города был Мамед-Сейд-хан, который остался здесь и после убийства шаха. Он наложил тяжелые подати на дербентцев, которые они «не были в состоянии платить». Жители Дербента «прибегнув к кубинскому Фет-Али-хану, просили его о помощи», обещав «ему предать город». Фатали-хан пошел с войском и овладел городом без труда, а Мамед-Сейд-хан был арестован и послан в Баку [1, с. 24].

Давая характеристику Фатали-хану, С.Г. Гмелин отмечал, что он был сыном Гусена-Али-хана, который являлся владельцем Кубы и при Петре I, и при Надир-шахе. После его смерти Фатали-хан и стал кубинским владельцем. Интересно отмеченное С.Г. Гмелиным, что «дербентские жители его нарочито любят». Он писал, что Фатали-хан имел «шесть жен и по персидскому обыкновению пьет очень много» [1, с. 23]. Го-

вора о власти Фатали-хана, он отметил, что она была «неограниченна, а доходов точно определить нельзя, потому что он подати накладывает смотря по обстоятельствам, и состоят оные в лошадях, скоте, всяком жите, пшенице, сорочинском пшене и других плодах; во всех городах имеет собственные сады и пашни» [1, с. 23–24].

Кажутся несколько преувеличенными сведения С.Г. Гмелина о войске Фатали-хана. Он писал, что оно доходит «до сорока тысяч человек и состоит не только из персиян (местное население. – Б.А.), кои, когда в воинской службе находятся и от хана жалованье получают, куль (он считал их персидскими солдатами-кизилбашами. – Б.А.) называются, но по большей части наемных соседственных татар, из коих особливо в сию службу вступают лезгинцы» [1, с. 24].

Действительно, Фатали-хан прибегал к найму воинских сил в дагестанских обществах, и в особенности в Акуша-Дарго, которое славилось своим многочисленным войском, доходившим порою до 25–30 тыс. человек. Известны примеры, когда в походах Фатали-хана на другие феодальные владения участвовало до 3–5 тыс. человек из Акуша-Дарго. Интересно, что и после Фатали-хана сын его Шихали-хан постоянно опирался на Акуша-Дарго и нанимал до 10 тыс. верхнедаргинцев для участия их в своих военных акциях.

Необходимость большого войска Фатали-хану С.Г. Гмелин объяснял имевшими место междоусобицами, в особенности неприязненными отношениями Фатали-хана с правителем соседнего с ним кайтагского уцмья, который, как писал С.Г. Гмелин, даже пять лет до его прибытия в Дербент захватил последний, но был «в две недели выгнан» Фатали-ханом [1, с. 25].

Отношения с уцмием Кайтага Амир-Гамзой у Фатали-хана, действительно, были неприязненные, и С.Г. Гмелин объяснял это усилением второго. Писал он и о примирении их, но отмечал, что уцмий «с своим народом почитается за обманщика и корыстолюбивого человека». В связи с этим он остановился на поведении уцмья Ахмед-хана во время похода в Дагестан Петра I в 1722г. Он, в частности, писал: «... наверно сказать можно, что он к России не оказывается чистосердечным, а тот в сем словесно изъясняется, но только может быть для того, что благоразумная предосторожность его к тому принуждает» [1, с. 26].

С.Г. Гмелина интересовало буквально все: он внимательно изучал географию Дагестана, его природу, животный и растительный мир края, жизнь и быт дагестанских народов, осматривал стройки, кладбища, водоемы, леса и т.п.

Не обошел вниманием С.Г. Гмелин и многочисленные захоронения, имеющиеся вокруг Дербента, и сохранившиеся здесь надгробные памятники. Он писал, что здесь «множество надгробных камней как прямо, так и вкось стоящих, между коими есть другие и овальные и лежат на земли, и вид гробницы имеют. На сих надгробных камнях находятся надписи, на разных восточных языках написанные, в коих имена и лета умерших означаются, иногда же в оных и высеченные, полезные, надгробные стихи содержатся» [1, с. 26].

Не мог пройти С.Г. Гмелин и мимо известных дербентских надгробных памятников кладбища, известного под названием Кырхляр. Он писал: «На северо-восточной стороне города есть еще два, примечания достойных, места... Одно лежит под горою на ровной земле и состоит из многих в кучу собранных и плотно один на другом лежащих надгробных камней, кои окружает каменная стена, из таких же камней сде-

ланная». Далее он отмечал: «Персияне (имеются в виду местные жители. – Б.А.) рассказывают, что в давние и им не известные годы на сем месте погребено сорок из их закона мучеников». С.Г. Гмелин привел и другие существующие версии о происхождении этих сорока надмогильных плит. «Христиане армянского закона, – писал он, – силятся утверждать, что мученики не персидского, но христианского закона на памянutoм месте почивают» [1, с. 27–28].

Описал С.Г. Гмелин и одну интересную подземную пещеру прямо под горой, которая имела вход «длиною в восемь, а шириною в полтора фута и на левой стороне онаго вырыт камин». Здесь, по словам С.Г. Гмелина, были «сделаны наподобие избы два покоя», длина которых равнялась «около 14 шагов». Входы в пещеру и избы были сделаны из камней, смазанных глиной. А между покоем было свободное маленькое место, которое С.Г. Гмелин назвал «передней к обоим покоям». Он писал: «Сказывают, что тут погребены были 40 грузинских девиц». А «на верьху входа пещеры снаружи есть надпись, писанная на восточном языке, которая, как сказывают, содержит историю о помянутых мною девицах» [1, с. 28–29].

Не мог С.Г. Гмелин с его желанием узнать все о Дербенте не обратить внимание на водоснабжение города. Он писал: «Дербентские колодцы заслуживают всякое внимание». По его сведениям, «на ближайших горах» от города было «очень много» «ключей или родников». «Из них вода чрез трубы и высеченные каналы, – писал он, – проведены в крепость и оттуда в прочия части города. Вместилища, воду содержащая, иныя без крышек, а другие покрыты». Отмечал С.Г. Гмелин, что вода по трубам проведена не только от близких, но и «отдаленнейших ключей», и это «подают надежное жителям дербентским средство от жажды» [1, с. 30].

Описал С.Г. Гмелин и сам город, дома, их архитектуру, расположение и состояние, из чего они построены, сколько в них было комнат, наличие камина, погреба и т.д., после чего он приводит собранные им сведения о состоянии сельского хозяйства, занятиях дербентцев – виноградарстве, садоводстве, огородничестве.

Прежде всего С.Г. Гмелин останавливается на садоводстве и в связи с этим пишет: «На полуденной (южной. – Б.А.) стороне города вдоль по берегу моря и на северной к усмейским горам находятся преизрядные дербентские сады... Кроме немногих огородных овощей, как то огурцов, капусты и протчаго, насажены по большей части в оных виноградныя лозы и различныя плодоносныя деревья» [1, с. 30].

Здесь же он описал вино, изготавливаемое из местного винограда. «Виноградное вино, – отмечал он, – которое на турецком и персидском языке чехир, или чахирь, называется, не только имеет хороший вкус, но также нарочито крепко и не скоро портится. Оно здесь трех сортов: красное, белое и изкраснабелое, которое на некоторых немецких местах шилером называется» [1, с. 30–31].

Конечно, С.Г. Гмелин был прав, давая такую оценку дербентскому вину. И в связи с этим уместно привести слова Я. Рейнегса, что дербентцы «к виноградным садам прилагают довольно старание» [9, с. 284], почему и вино из такого винограда получалось хорошее, которое долго не портилось. Здесь уместно вспомнить и слова Дж. Бела, писавшего о Дербенте: «В восточной стороне города множество находится винограден, коих вино может стоять многие годы, когда оное налив во глиняные сосуды, зароят в землю» [5, с. 177].

О дербентском винограде писал и комендант Кизлярской крепости А.И. Ахвердов. Он, в частности, отмечал, что дербентский виноград «сам по себе слаще и крупнее всех родов (сортов. – Б.А.) виноградов, так что некоторые ягоды в длину бывают в вершок, кой виноград сохраняемой в домах случалось мне есть в мае месяце» [12, с. 219].

С.Г. Гмелин отметил и неумение местных жителей доводить приготовление вина до конца, а также «великой недостаток в бочках», которые находились «в худом состоянии» [1, с. 31].

Богатый материал собрал С.Г. Гмелин о садоводстве дербентцев. «Плоды, сажаемые в здешних огородах, – писал он, – суть разные породы самых вкуснейших яблок, груши, айвы, также персики, апрокозы, миндаль, инжир и гранаты. Сии дерева стоят в беспорядочных аллеях и природных лабиринтах, вместе и порознь и суть чрезвычайно плодоносны» [1, с. 31].

Здесь же С. Г. Гмелин описал различные цветы и травы. «Из цветов, – писал он, – приметил я по большей части такие, кои приятной запах имеют, однак те, кои прекраснейшими почитаются, еще совсем не разцвели». Отметил он и наличие здесь «большаминов», которых было очень много, на турецком языке их называют кна и, как писал С.Г. Гмелин, кна, «служит к удивительному употреблению. Чрез траву и семена гонят воду, в которой первыя мокнут долгое время. Водю персияне и татары моют ногти у рук и у ног, от чего они после получают желто-шафранной или желто-красноватой цвет, что у них за красоту почитается» [1, с. 32].

Отметил С.Г. Гмелин и то, что здесь вместо гороху «садят» «нохот», семена которого привозят «из внутренней Персии» и оно неизвестно ботаникам. Интересно и подробно дано описание «нохота» [1, с. 33–34].

Как и другие авторы, писавшие о Дербенте, С.Г. Гмелин отмечал «выгодное положение» города и в связи с этим писал: «Поля плодородием очень знамениты и земля ничего больше не требует, кроме большого жителей рачения» (старания. – Б.А.) [1, с. 35]. В то же время он писал, что местные жители совсем не знают унавоживания полей, «но только жгут на них солому и оставшимся пеплом посыпают» [1, с. 35]. Интересно подчеркнутое здесь, что «Дербент по своему положению равным образом и для ботаника есть вожделенное место» [1, с. 35]. И на самом деле здесь было большое разнообразие всевозможных цветов, трав, кустарников.

Останавливаясь на климатических условиях города, С.Г. Гмелин писал: «Солнечный жар в Дербенте чрезвычайно велик бывает, но сие не препятствует зиме столь же быть суровою, чему причиною не столько пронзительная стужа, сколько наипаче мокрота и выпадающий в несказанном множестве мягкий снег» [1, с. 36].

Описал С.Г. Гмелин и лес, растущий на ближайших горах, отметив, что он состоит из деревьев, годных на отопление. Среди крупных деревьев им отмечены дуб, береза, тополь, осина, шелковичные и тутовые деревья, грецкие орешники, буки и т.д. [1, с. 37].

Останавливаясь на животном мире, С.Г. Гмелин писал: «Не недостает также в сей стране и дичины. Зайцев, кабанов, диких коз, лисиц, медведей и волков водится очень много» [1, с. 39].

Из Дербента экспедиция по морю продолжила путь на юг. С.Г. Гмелин добрался до Кубы и описал ее, отметив, что «город Куба, в котором Фет-Али-хан имеет свое пребывание, очень невелик, и едва ль в окружности около версты расстояния име-

ет». Говоря о составе «уезда Кубинской», он писал, что тот «состоит из разных больших и малых деревень, в коих обитатели кормятся хлебопашеством и скотоводством». Из административных лиц он говорит о наибе, который «в небытность хана отправляет в городе должность комендантскую» [1, с. 49].

С.Г. Гмелин описал «гору Шах» (Шах-Даг), в сопровождении двух студентов и нескольких проводников пошел к этой высочайшей горе Кавказа. Они, как писал он, «ехали на запад и провинции Кулаганской позади уезда, Токус-Пара называемого». Он подчеркнул крайнюю трудность езды из гористости местности, когда приходилось то идти пешком, а местами на лошадях, «да и только по промежуткам гор и подошвам оных» [1, с. 50]. Во время этого путешествия они проезжали через пять деревень, из которых первая принадлежала Фатали-хану, а в остальных, как писал С.Г. Гмелин, проживали «подгорные дагестанцы» [1, с. 50].

Нелестно характеризовал он этих «дагестанцев»: «Они суть люди особливой породы, говорят языком лезгинским, однако разумеют притом и турецкий (имеется в виду азербайджанский. – Б.А.), хотя находятся в подданстве у кубинского хана», над которыми однако он «не великую власть иметь может», и это С.Г. Гмелин объяснял их дикостью, что «никакого начальства признавать не хотят» [1, с. 50]. Конечно, С.Г. Гмелину, являвшемуся европейцем, трудно было понять горцев Дагестана, в особенности жителей горных независимых от чьей-либо власти обществ, ценивших свободу выше всего. Но это не означало, что горцы были «народом диким», и в этом С.Г. Гмелин был неправ.

Во время экспедиции к Шах-Дагу С.Г. Гмелин описал эту гору и местный ландшафт. При этом он писал, что «место сие на взгляд очень страшно и состоит из гор одна на другой лежащих, из коих иные сплошь обросли травами, а иные совсем голы, а находящиеся между ними плодоносные поля и сухие луга составляют обиталища варварских вооруженных народов». Это опять-таки предвзятое утверждение было продолжением того, что он писал до этого, что «позади сих гор, при подошве которых мы были, есть много деревень, в коих живут как те, коих мы видели, так и другие беспокойные и разбойнические народы» [1, с. 51]. Возникает вопрос – откуда же взялись плодоносные поля, если их хозяева являлись варварами и занимались только разбоем? Разбойники – это люди, основным занятием которых был разбой. А таковыми горцы никогда не были.

Несмотря необъективную характеристику горцев, а также ряд других необъективных утверждений С.Г. Гмелина, как, например, его утверждение о слабом развитии торговли в Дербенте, сведения, собранные им по Дагестану и изданные в 3-й части его работы, представляют большой интерес. Он очень хорошо и детально изучил Дербент и его крепость, окрестность города, его природно-географическое положение, ландшафт, растительный и животный мир. Особенно ценны сведения о занятиях дербентцев и отчасти горцев Дагестана, развитости виноградарства, садоводства и огородничества. Правдивость, объективность всего этого подтверждается наличием аналогичных сведений и в работах других авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств природы. СПб.: Изданием императорской АН, 1785. Ч. 3. 336 с.

2. *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Махачкала, 1999. 388 с.
3. *Адилсултанов А.А.* Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. 238 с.
4. *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Глав. Управления Наместника Кавказа, 1872. Вып. VI. С. 1–62.
5. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские страны: а именно в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / пер. *М. Попова*. СПб., 1776. Ч. 3. 247 с.
6. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVII–XIX вв. : архивные материалы / под ред. *М.О. Косвена Х.-М. Хашаева* (далее – ИГЭД). М.: Наука, 1958. С. 60–120.
7. *Бакиханов А.К.* Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
8. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. : сб. док. / сост. *В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов и др.* М.: Наука, 1988. 357 с.
9. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв./ сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. *В.Г. Гаджиева*. Махачкала, 1992. 304 с.
10. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. Селивановского, 1823. Ч. 2. 471 с.
11. *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999. 339 с.
12. *Ахвердов А.И.* Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М, 1958. С. 213–229.
13. *Кремский А.А.* Выдержки из описания Дагестана и Ширвана 1806 г. // ИГЭД. С. 234–236.
14. *Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 138–156.
15. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 129–200.
16. *Колоколов П.Ф.* Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 313–318.
17. История Дагестана. Т. 1. М.: Наука, 1967. 431 с.

Поступила в редакцию 20.03.2018 г.
Принята к печати 26.09.2018 г.